

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

ЛУИЗА ДЖЕНСЕН

СЕСТРА



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Психологический триллер»

Louise Jensen
THE SISTER

Перевод с английского *Н.А. Кудашевой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения
Lorella Belli Literary Agency и Synopsis Literary Agency.

Дженсен, Луиза.

Д40

Сестра : [роман] / Луиза Дженсен ; [пер. с англ. Н. А. Кудашевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-101656-2

Чарли — лучшая подруга Грейс, которой она может доверить любой секрет, поэтому ее внезапная гибель раскалывает жизнь Грейс на «до» и «после». Ей не дают покоя последние слова Чарли. За что она просила прощения? В чем хотела признаться?

В поисках ответов Грейс неожиданно выходит на Анну, утверждающую, что она — сестра Чарли. Очень скоро Анна завоевывает доверие и дружбу Грейс. И тогда начинается происходить что-то странное. У Грейс пропадают вещи. Ее жених Дэн ведет себя все более подозрительно. И, самое ужасное, за ней явно кто-то следит...

Может быть, это всего лишь плод воображения Грейс, как уверяют ее Дэн и Анна. А может, кто-то из них ей лжет?

Чем ближе Грейс подбирается к правде о гибели Чарли, тем в большей опасности она оказывается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101656-2

© Louise Jensen, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

*Посвящается
горячо любимому Иену Хоули,
которого мне так не хватает*

Глава 1

Настоящее

Выхожу из машины, ощущая биение сердца и тяжесть в ногах, застегиваю молнию на куртке и натягиваю кожаные перчатки. Потом вытаскиваю из багажника лопату и рюкзак: пора. В резиновых сапогах шлепаю по грязи в сторону пролома в живой изгороди. Он находился там всегда, сколько я себя помню. Содрогаясь, вхожу в лес. Здесь темнее, чем я думала, и, чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вдыхаю насыщенный хвоей воздух. Борюсь с острым желанием уйти домой и вернуться утром, напоминаю себе, зачем я здесь, и гоню себя вперед.

Освещая путь смартфоном, я шагаю с оглядкой на кроличьи норы, о которые могла бы споткнуться. Переступаю через поваленные стволы деревьев, через которые когда-то перепрыгивала. Мне двадцать пять, и я еще не так стара для бега, но у меня неудобная ноша, к тому же я не очень спешу к своей цели. Я и не думала, что мне придется делать это в одиночку.

Я останавливаюсь, прислоняю ручку лопаты к бедру и трясую затекшей рукой, чтобы прекратилось покалывание в пальцах. В кустах что-то шуршит, и у меня возникает ощущение, что за мной следят. Сердце

замирает, когда из кустов выскакивают два кролика и несутся прочь, увидев свет моего смартфона. «Все хорошо», — убеждаю я себя вслух, но голос кажется громким и гулким, напоминая о том, как я здесь одинока.

Лямки рюкзака врезаются в плечи, я поправляю их и снова иду вперед, наступая на хрупкие ветки. Я уже начинаю думать, что выбрала на развилке неверное направление, но тут наконец выхожу на поляну с расщепленным молнией деревом. У меня не было уверенности, что оно по-прежнему будет здесь, но, когда оглядываюсь, кажется, что ничего не изменилось — хотя конечно же изменилось все. Воспоминания о прошлом налетают с такой силой, что я с трудом перевожу дыхание, опускаясь на землю. Сырость от листьев и земли просачивается сквозь брючную ткань, а прошлое просачивается в настоящее.

— Поторопись, именинница, при таком темпе тебе успеет исполниться шестнадцать. Я замерзаю! — крикнула мне Чарли. Она забралась на калитку, ведущую на кукурузное поле, повсюду были разбросаны пластиковые пакеты, а ее светлые волосы сияли в лучах тусклого красновато-оранжевого солнца. Нетерпеливая Чарли томилась в ожидании, пока я медленно тащи-лась к ней, бережно держа коробку, в которой хранились наши мечты и надежды.

— Давай же, Грейс. — Она соскочила на землю, сгребла пакеты и устремилась в лес. Я поудобнее перехватила под мышкой коробку и постаралась не отставать, следуя за мельканием ее лиловой куртки и флюидами спрея-дезодоранта «Импульс», который она тайком брала из спальни своей матери.

Ветки колючего кустарника хватали нас за обтянутые джинсами ноги, цеплялись за волосы, но мы продолжали идти, пока не выбрались на поляну.

— У тебя лицо покраснело, теперь оно одного цвета с волосами, — засмеялась Чарли, когда я опустила коробку на землю и, упершись руками в колени, наклонилась, стараясь восстановить дыхание. Несмотря на прохладу раннего вечера, на висках у меня выступили бусинки пота. Чарли перевернула вверх дном пластиковые сумки. Еда, напитки, спички, садовый совок и маленький подарок, завернутый в блестящую фиолетовую бумагу с наклеенным на нее стикером «Пятнадцать лет» — все рассыпалось по комковатой земле. Улыбнувшись, она вручила мне подарок. Я села, скрестив ноги, тщательно развернула упаковку, так чтобы не порвать бумагу, и медленно высвободила коробочку. Внутри лежала половинка золотого сердца на цепочке, на нем было выгравировано «ЛДН» («Лучшие друзья навсегда»). Я посмотрела на Чарли, и глаза защипало от слез. Она оттянула ворот толстовки, обнажая вторую половинку сердца. Я застегнула цепочку на шее, а Чарли начала копать яму. Я, как истинная девочка-скаут, разожгла костер. Когда солнце зайдет, станет еще холоднее, а вечера теперь наступали быстро. К тому времени, как яма была достаточно глубока, Чарли запыхалась, а под ее ногти забились грязь.

Я принесла коробку и опустила в яму. Мы провели целую субботу, выбирая то, что следует в нее положить, и оклеивая внешнюю сторону пластиковой емкости журнальными фотографиями супермоделей и поп-звезд, на которых мы хотели быть похожими.

— Невозможно быть слишком богатым или слишком худым, — сказала Чарли, подгребая землю и засыпая яму.

— Подожди! — крикнула я. — Хочу положить внутрь вот это. — Я помахала в воздухе упаковочной подарочной бумагой.

— Нельзя, мы ее уже запечатали.

— Я осторожно. — Я медленно отодрала скотч и откинула крышку. К моему удивлению, поверх кипы фотографий лежал розовый конверт, которого там определенно не было, когда мы наполняли коробку. Я бросила быстрый взгляд на Чарли, у нее был таинственный вид. — Что это, Чарли? — потянулась я к конверту.

Чарли схватила меня за руку:

— Не трогай.

Я вырвала руку.

— Что это? — переспросила я, потирая запястье.

Чарли отвела взгляд.

— Мы должны это прочесть, когда вернемся за коробкой.

— О чем там говорится?

Чарли выхватила у меня из руки упаковочную бумагу и с хрустом сунула в коробку, а потом захлопнула крышку. Когда Чарли не хотела о чем-то говорить, было бесполезно пытаться ее убедить. Я решила не настаивать. Не позволю, чтобы ее скрытность испортила мне день рождения.

— Выпьем?

Я взяла банку сидра и потянула за кольцо. Напиток зашипел, и пена выплеснулась из банки. Я вытерла руки о джинсы и сделала глоток. Он согрел желудок, унося недовольство прочь.

Чарли засыпала яму землей и заровняла совком поверхность, а потом села рядом со мной. Привалившись к стволу упавшего дерева, мы сидели перед потрескивающим костром, поджаривая на палочках маршмеллоу, и, только когда догорели последние красные угольки, до меня дошло, как сейчас поздно.

— Пора идти. Мне надо к десяти быть дома.

— Ладно. Пообещаем, что вернемся сюда и откроем коробку вместе? — Чарли выставила мизинец, я обхватила его своим мизинцем, и мы чокнулись банками и выпили за обещание, не ведая, что его будет невозможно выполнить.

Теперь я была одна.

— Чарли, — прошептала я. — Как жаль, что тебя нет со мной.

Подаренная ею половинка сердца, которую я ношу, не снимая, начинает крутиться всякий раз, как я наклоняюсь, словно ищет своего сотоварища, отчаянно желая вновь сделаться с ним единым целым. Я осторожно кладу на землю венки. Непреодолимая паника, терзающая меня четыре месяца со времени смерти Чарли, прорывается наружу, и я рывком ослабляю шарф на шее, чтобы стало легче дышать. *Правда ли, что я виновата? Неужели я всегда виновата?*

Несмотря на январский холод, мне жарко, и когда я стаскиваю перчатки, то слышу последние слова Чарли, эхом разносящиеся по лесу: *Я совершила нечто ужасное, Грейс. Надеюсь, ты сможешь меня простить.*

Что она совершила? Это не может быть хуже того, что сделала я, и я твердо намерена выяснить, что произошло. Я не смогу двигаться вперед, не узнав всю правду. Я понятия не имела, с чего начать, пока се-

годня утром не получила на почте письмо в розовом конверте, вызвавшее в памяти другое письмо — то, которое Чарли не позволила мне прочесть, — письмо, спрятанное в нашей коробке. Быть может, в том письме содержится какой-то ключ? В любом случае, с чего-то надо начать. Расспросы ее знакомых ни к чему не привели, и к тому же я знала ее лучше, чем кто-либо другой. Ведь я была ее лучшей подругой.

Но можно ли вообще знать кого-то? По-настоящему кого-то знать?

Я опускаюсь на корточки и долго сижу неподвижно, а воздух вокруг холодеет. Ветви качаются и шелестят, словно деревья шепотом выдают мне свои секреты, побуждая раскопать секреты Чарли.

Я трясую головой, отгоняя мысли, и, натянув рукав на ладонь, вытираю мокрые щеки. Подхватив лопату отяжелевшими, словно чужими руками, я так крепко вцепляюсь в рукоятку, что запястьям становится больно. Глубоко вдохнув, начинаю копать.

Глава 2

Настоящее

— Миттенс? — зову я нашу кошку. — Я пришла. — Держа в руках коробку памяти, я протискиваюсь через коридор в гостиную, умудрившись не сшибить с серо-зеленых стен ни одного эстампа с морскими видами. — Вот ты где.

Серый пушистый комочек уютно устроился на табурете перед пианино. На этом инструменте папа учил меня играть, усаживая на кожаный табурет с тех самых пор, как я научилась сидеть без посторонней помощи.

Мы с папой сидели бок о бок, его громадные, похожие на сосиски пальцы на удивление проворно брали аккорды, пока я подбирала мелодию. Больше я никогда не буду на нем играть. Слишком мучительны воспоминания о том времени, когда у меня была нормальная жизнь. Нормальная семья.

В гостиной мрачно, несмотря на падающий сквозь стеклянные двери свет. По потемневшему небу несутся грозовые облака. Я щелкаю выключателем. Зима в этом году была суровой, и я с трудом вызываю в памяти летние вечера, когда сиживала в саду с высоким бокалом крюшона, где позвякивали кубики льда, пока не начинал пылать закат, а по небесам цвета индиго — порхать летучие мыши.

Коллекционная тарелка, которую я берегу для особых случаев, балансирует на стопке мужских журналов, засохший яичный желток и кетчуп перекрывают цветочный рисунок. Солонка валяется на полу, белые крупинки соли холмиком высыпались на ковер. Сразу видно, что Дэн поел.

Я перешагиваю через скомканное банное полотенце к кофейному столику, отодвинув в сторону потрепанный экземпляр «Маленьких женщин». Этот роман я читаю вслух соседке, миссис Джонс, — несмотря на сильные очки, она больше не может разбирать мелкий шрифт. Я уже почти добралась до того места, где умирает Бет, и сколько бы раз ни читала его прежде, знаю, что все равно буду плакать. Когда я опускаю на столик коробку памяти, на кремовую столешницу падает засохшая грязь, и я смахиваю ее на пол. Поблекшие изображения певцов-однодневок и супермоделей, когда-то крепко приклеенные, теперь скорбно свисают ключьями с пластиковой коробки, половину из них я

едва могу припомнить. Поддеваю ногтем край клейкой ленты, которая запечатывает крышку, и она легко отходит. Я отдираю ее, а потом прижимаю обратно, сильно надавливая большими пальцами. Кажется неправильным открывать коробку без Чарли, но у меня нет выбора, если хочу выяснить, что находится в розовом конверте, и я ее открываю. Но все равно чувствую себя неуютно, как будто вторгаюсь в чужое личное пространство.

В коттедже очень тихо. Ставлю грампластинку. Нина Симон бодра духом. Я рада, что хоть у кого-то из нас все в порядке. Дэн загружает музыку из Интернета, но я нахожу утешение в старомодных вещах, с которыми выросла, пускай даже мой дедушка более современен, чем я сейчас, с его акустической док-станцией и блюрей-плеером. Я плюхаюсь на коричневый кожаный диван, утопая в мягких разномастных подушках. Виниловая пластинка крутится и крутится, потрескивая и шипя, требуя внимания, прямо как мои воспоминания.

Не верится, что прошло семь лет с тех пор, как мы переехали в этот коттедж. Тогда мне было больше не о чем беспокоиться, моя жизнь наконец-то потекла так, как было задумано, и я немного заиклилась на декоративных тканях и обивочных материалах. Дэн закатывал глаза всякий раз, как я приносила в дом новую диванную подушку. Он забирал ее у меня и кружил с ней в танце по гостиной.

Я напевала в такт, а он принимался щекотать меня, и мы валились на пол, стягивая друг с друга одежду, пока он не оказывался на мне, во мне и моя спина начинала гореть от трения о шершавый красный ковролин, который мы со временем заменили ворсистым

ковром шоколадного цвета. Потом мы уютно устраивались на разноцветном покрывале, украшавшем спинку дивана, и ели гавайскую пиццу. Я предлагала Дэну заказать пиццу «Пепперони» — он никогда не понимал присутствия фруктов в острой пище, но знал, что я обожаю сочетание сладкого и соленого.

Сейчас кажется, что прошла вечность с тех пор, как мы так смеялись. Так любили. Горе развело нас, словно отталкивающиеся однополюсные магниты: как бы упорно мы ни старались дотянуться друг до друга, между нами существует пропасть, которую мы не в состоянии преодолеть.

Миттенс приподнимается, выгибая спину и выпрямляя ноги, напоминая мне, что я пропустила еще одно занятие по йоге. Ничто так не разъедает, как чувство вины, оно опустошает тебя изнутри. Мне ли не знать: меня постоянно терзают угрызения совести, мне бы следовало родиться католичкой. Миттенс спрыгивает с табурета, так грациозно, как умеют только кошки, и с мяуканьем «Покорми меня немедленно» трется головой о мои икры.

Я тащусь за ней в кухню. Здесь пахнет пережженным маслом, и раковина, которую я оставляла чистой и блестящей, теперь наполовину залита стоячей водой. Из нее, словно дорожный указатель, торчит ручка кастрюльки: помой меня. Я наклоняюсь над раковиной и приоткрываю раздвижное окно. Из сада за домом сквозит ледяной воздух; на завтра обещают снег. Я включаю чайник, подбираю половинки яичной скорлупы — остатки белка липкой слизью тянутся по деревянной поверхности кухонной стойки — и выбрасываю их в переполненный педальный бачок для мусора. Позже мне придется вынести мусор. Выти-